

Глава IV. Мадам Мишель

Февральские сумерки еще не успели опуститься на Петербург, а в Красной гостиной Михайловского дворца уже были зажжены все свечи. В огромных, от пола до потолка, настенных зеркалах в золотой оправе отражались цветы и пальмовые деревья, превратившие выдержанную в красно-розовых тонах залу с шелковыми обоями, атласными шторами и бархатной мебелью в роскошную оранжерею. Независимо от времени года, здесь всегда царило лето.

Статная хозяйка дворца, когда-то считавшаяся первой красавицей столицы, с удовольствием обошла свое благоухающее флористическое царство и остановилась у портрета на стене. С полотна на нее смотрела шестнадцатилетняя вюртембергская принцесса Фредерика, такая же нежная, невинная и привлекательная, как прекрасные цветы, недавно распустившиеся в заполонивших гостиную китайских вазах.

Дама перевела взгляд на зеркало сбоку, дотронулась до щеки тонкими, длинными пальцами и попыталась уловить сходство между своим сегодняшним отображением и портретом, написанным четыре десятилетия назад по случаю ее приезда в Россию в качестве невесты Велико-

го князя Михаила Павловича. Красота ее не померкла с годами, не исчезла вместе с девичьим именем. Овал лица был все так же мил, а цвет кожи по-прежнему свеж. Взгляд, как и в юности, — искрометен и пыллив. Вот только она более не просит завивать ей локоны, ибо уже давно ее роскошные длинные волосы покрыты черной вуалью.

«Фредерика Шарлотта Мария... — прошептала хозяйка дворца, вновь обернувшись на портрет. — Этого имени уже никто не помнит. Юная принцесса с ее наивными мечтами о любви и счастье исчезла из этого мира сорок лет назад, превратилась в сильную, волевою, закаленную горем и страданиями Государыню Великую княгиню Елену Павловну Романову. Ее Императорское Высочество. Мадам Мишель».

Княгиня опустила в мягкое плюшевое кресло и закрыла лицо руками. Титул, положение в обществе и статус старейшего члена российской императорской фамилии не позволяли ей предаваться унынию. Но разве не заслужила она права всего лишь на несколько минут, вдали от посторонних глаз остаться наедине со своими переживаниями, почувствовать себя просто женщиной?

Елена Павловна подняла голову, и взгляд ее остановился на мраморном бюсте императрицы Марии Федоровны — матери Мишеля. Это она, в девичестве тоже вюртембергская принцесса, решила укрепить династические связи России с родным королевством и сосватать младшему сыну свою внучатую племянницу из Штутгарта. Венценосная свекровь не могла не видеть, что Фредерика по-настоящему влюбилась в своего жениха. Почему же она, да и вся императорская семья, и до свадьбы, и после, оберегали Великую княгиню от известной всему Двору тайны? Сердце ее мужа всегда принадлежало фрейлине императрицы, а женился он не от большой любви к принцессе, а из чувства покорности материнской воле.

Княгиня предалась воспоминаниям: «Я искренне старалась делать все, чтобы покорить его: была прилежной женой, не докучала Мишелю своими увлечениями науками и искусством, разделяла его страсть к военному делу. Когда при Дворе над князем подшучивали, что за всю жизнь тот прочел лишь одну книгу — воинский устав, я ее тоже прочла, поняла и с удовольствием по-русски общалась с его солдатами! И Мария Федоровна, и Император Николай, брат Мишеля, просили меня подождать и потерпеть, уверяли, что сердце мужа со временем непременно растает. Но, увы, этого не произошло. Ответом на мою неугасающую любовь стали лишь холодность и отстраненность. А когда я не смогла родить князю наследника, когда четверо из наших пяти дочерей умерли, он отдалился от меня еще больше. Мне тогда казалось, что тяжелее испытаний не придумать, но то было лишь начало. Четырнадцать лет

назад смертельная болезнь отобрала у меня любовь всей жизни, оставив сердце разбитым, а голову навсегда покрытой траурной вуалью...»

Мадам Мишель смахнула слезу со щеки, поднялась с кресла и вновь посмотрелась в зеркало. В считанные мгновения страдающая немолодая женщина вновь превратилась в величественную, полную достоинства княгиню. Губы ее прошептали: «Господь забрал у меня Мишеля, но дал взамен чувство долга перед моим новым отечеством. Начиная с того ужасного дня Великая княгиня Елена Павловна полностью, без остатка, до последнего вздоха принадлежит Российской империи!»

И действительно, тогда ее охватило страстное желание изменить жизнь в России к лучшему. Острый ум помог осознать, что любые новые идеи и даже небольшие перемены, не говоря уже о серьезных реформах, произвольно вызывали у властвующих мужчин опасения и отторжение. Как не хватало им женского взгляда на положение вещей! И когда мадам Мишель с ее прекрасными организаторскими и аналитическими способностями предложила взвалить на себя самое тяжелое бремя — разработку проектов реформ — при Дворе этому только обрадовались. Кто знает, отменила бы Россия крепостное право без настойчивого участия Великой княгини, закрывавшей глаза на насмешки и критику и целеустремленно добивавшейся желаемого? В конце концов, ее труды оценили и унаследовавший престол племянник Александр, наградивший свою тетку золотой медалью реформатора, и общество, закрепившее за Еленой титул «принцесса-свобода».

Княгиня особенно гордилась теми своими достижениями, что, помимо железной воли и рационального мышления, требовали женского сердца: доступными больницами и приютами, первыми в России научно-клиническим институтом и медицинскими училищами, первым орденом сестер милосердия. Даже свою «отдушину» — страсть к живописи, литературе и музыке — она смогла обратить на пользу стране, покровительствуя талантливым русским художникам, писателям, поэтам и музыкантам. Без сожаления Елена рассталась со своими бриллиантами: продала их, чтобы открыть в своем дворце классы первой русской консерватории.

«А ведь мало быть облеченным властью, требуется еще и проявлять изобретательность, — задумалась она, вспоминая прошедшие годы. — Что ни возьми — политику ли, устройство государства, общественную жизнь или культуру, моя маленькая выдумка под названием "четверги" не только сработала, но и остается востребованной до сих пор! А все оттого, что мужчины при власти считают единственно правильными лишь свои собственные убеждения и мнения. Оберегаемый веками дворцовый протокол закрывает им глаза на многообразие взглядов, ограничивает кругозор. И страдает в результате вся наша страна».

Погрузившись после смерти Мишеля в государственные дела, княгиня поняла: самое главное, что она может дать своему новому отечеству — постепенно привить императорской семье и высшим чиновникам умение слушать и слышать окружающих. Тогда она начала собирать в Михайловском дворце по четвергам для дискуссий всех, чьи идеи могли быть полезны для дальнейшего развития России: чиновников, дипломатов, ученых, мыслителей и деятелей культуры. Даже тех, кому доступ ко Двору был заказан.

Нет, она нисколько не нарушала установленных правил: хозяйками вечеров поочередно выступали наиболее выдающиеся фрейлины Великой княгини — княжна Екатерина Владимировна Львова и баронесса Эдита Федоровна Раден. Сама же княгиня и прочие члены императорской фамилии появлялись там как приглашенные гости фрейлины, что не связывало их протоколом и предоставляло свободу участия в обсуждениях. Конечно же, кого позвать во дворец, решала мадам Мишель, но формально приглашения отправлялись Львовой или Раден, и каждый делал вид, что явился в гости именно к ней. Игра эта оказалась очень полезной и пришлась всем настолько по вкусу, что «четверги» продолжались уже более десяти лет.

Вот и сегодня Елена Павловна должна была неформально утвердить званный список на предстоящий «четверг», посвященный искусству. Ей не давала покоя идея пригласить во дворец одного необычного композитора, и фрейлины пообещали узнать о нем поподробнее. По приказу мадам Мишель для беседы с фрейлинами в Красной гостиной уже был накрыт чайный стол, украшенный гиацинтами из дворцовой оранжереи.

— Позвольте войти, Ваше Императорское Высочество? — одновременно промолвили и склонились в глубоком реверансе две изящные фигуры, появившиеся из открытых дверей с позолоченной резьбой.

— Прошу вас, мои милые, — ласково ответила Елена Павловна, приглашая фрейлин занять места на креслах вокруг столика, уставленного серебряными чайниками, чашечками из костяного фарфора и множеством тарелочек с булками, калачами, бисквитами, печеньем, баранками и сухарями. — Сегодня вашему Императорскому Высочеству угодно потчевать вас чаем!

Княгиня взялась сама разливать чай по чашкам и предлагать гостям свежую выпечку, что было знаком ее прекрасного настроения и высшего расположения к посетителям.

— Тебе, Елена Егоровна, я настоятельно рекомендую сухие баранки, чтобы сохранить фигуру до тех пор, пока мы не найдем тебе при Дворе подходящую партию, — с улыбкой на лице княгиня протянула тарелоч-

ку с баранками юной, красивой и статной баронессе Стааль. — Женихи дворянского сословия, особенно в почтенном возрасте, нынче пошли привередливые: мало им молодости, прилежности, пунктуальности, сообразительности и приданного от Великой княгини, еще и стройную фигуру подавай!

Фрейлина в ответ посмотрела на свою госпожу с неподдельным восхищением и взяла баранку.

— А мы с тобой, Эдита, замуж уже не собираемся, поэтому маковые булки и абрикосовые бисквиты сегодня наши, — княгиня подала тарелку со сладкой выпечкой сорокалетней незамужней баронессе Раден. — Коль мы в делах единомышленницы и верные союзницы, то и внешне будем выглядеть одинаково солидно.

Обе дамы рассмеялись. Взяв кусочек нежнейшего абрикосового бисквита, баронесса рассыпалась в благодарностях хозяйке дворца за ее гостеприимство. Та же пригубила горячий напиток, похвалила его вкус, и промолвила уже серьезным тоном:

— Милые мои, мы давно собирались обсудить с вами один вопрос, да все не могли найти подходящего момента. Речь пойдет о Рихарде Вагнере, композиторе. Хочу поведать вам историю. Она случилась еще до того, как вы обе поступили ко мне на службу, года через два после смерти Мишеля. Мы с дочерью Екатериной отправились в германские земли к родственникам и, помню, остановились на день в Веймаре. В тот вечер в местном театре в первый раз давали оперу Вагнера «Лоэнгрин» под управлением нашего давнего доброго друга Франца Листа.

Фрейлины отставили чашки в сторону и внимательно слушали свою хозяйку. Обеим было что рассказать ей о Вагнере, но они не решались заводить беседу первыми, без приглашения. Елена Павловна сделала еще глоток чая и продолжила:

— В моей памяти до сих пор свежи ощущения от того вечера. Плавная, струящаяся, таинственная музыка наполнила наши с дочерью страдающие сердца душевной добротой, чистотой, красотой и даже величием. Никогда более ни одна опера не производила на меня подобного впечатления. Теперь же известие о том, что Рихард Вагнер собирается вскоре посетить Петербург и просит моей аудиенции, всколыхнуло эти воспоминания. Я подумала: Вагнера у нас в России не исполняют, а жаль — русской публике было бы крайне полезно испытать те же чувства, что тогда испытали мы с княжной. Вот почему попросила я вас, мои милые, узнать для меня последние новости о творчестве Вагнера. Ну, кто уже справился с баранками и готов начать рассказ?

Вопрос был явно адресован баронессе Стааль, и та поведала о своих беседах с Серовым и Рубинштейном.

— Александр Николаевич Серов утверждает, Ваше Высочество, что музыка мсье Вагнера есть новое слово в искусстве, уже звучащее в Европе, а у нас пока неведомое. Наш музыкальный критик и начинающий композитор относится к ней с большим почтением. Это он убедил наше Филармоническое общество пригласить мсье Вагнера в Россию.

— Вот известие так известие! — удивилась Елена Павловна. — Первый раз слышу, чтобы Александр Николаевич отозвался хоть о ком-нибудь положительно. Узнай он, что я влюблена в музыку «Лоэнгрина», так его враждебное ко всем моим инициативам отношение исчезнет само собой! Но этим мы займемся позже, я уже понимаю, как. А сейчас скажи, Елена Егоровна, за что именно Серов почитает Вагнера?

— Он, Ваше Высочество, ценит стремление мсье Вагнера реформировать оперу, превратить ее в музыкальную драму по подобию времен Древней Греции. Все ожидают, что очень скоро маэстро представит в Вене свое новое сочинение по легенде о Тристане и Изольде. Серов уверяет, оно будет совсем не похоже на традиционную оперу: бесконечная музыка раскроет драматизм поэтики безвременного мифа. А сам Александр Николаевич завершает приготовления к постановке в Мариинском театре «Юдифи» — первой русской музыкальной драмы и приглашает Ваше Высочество на премьеру в мае.

— Вот как! Наш вечный критик делает первый шаг к примирению? Очень похвально. Благодарю тебя, Елена, за посредничество. Расскажи мне еще про реформу оперы, она меня заинтересовала. До сих пор я не слышала, чтобы в Российской империи кто-либо до этого додумался. Похвально, что Серов создает свою музыкальную драму, я непременно посетую первое представление «Юдифи». Но сейчас хочу узнать больше про идеи Рихарда Вагнера.

Елена Стааль стусевалась — ведь больше ни Серов, ни Рубинштейн ей ничего не сказали. Но тут на помощь поспешила баронесса Раден:

— Ваше Высочество, позвольте мне добавить. В Европе разговоры о нововведениях мсье Вагнера ведутся уже давно: он опубликовал свои идеи в нескольких трудах, и необычного для нас там очень много. В качестве сюжетов композитор выбирает исключительно мифы, имеющие общечеловеческое значение. Либретто он пишет сам; это даже не либретто, а настоящие поэмы — самостоятельные драматические произведения. Музыка у него выходит своеобразная: мы в России привыкли к мелодичным ариям и ансамблям, а у мсье Вагнера все сплошь монологи и диалоги, через которые он передает смысл своих поэм. Для каждого героя или события он придумывает музыкальные образы — лейтмотивы, повторяющиеся по ходу действия. А еще он требует от певцов актерского мастерства, как в драматическом театре. Елена Егоровна уже

упомянула про «Тристана и Изольду», но этим новшества не ограничиваются. Поговаривают, что мсье Вагнер создает эпохальное произведение по древним мифам о нибелунгах. Оно будет длиться несколько вечеров.

— Спасибо, Эдита Федоровна. Звучит в высшей степени любопытно. Мне бы очень хотелось познакомиться с этими музыкальными драмами. Надеюсь, что маэстро представит их во время своих концертов в Петербурге. И что думает по поводу таких новшеств Антон Рубинштейн?

— Ваше Высочество, — вновь вступила в разговор баронесса Стааль, — а вот Антон Григорьевич от музыкальных драм не в восторге. Не нравятся ему ни претенциозный вагнеровский размах, ни его сказочные сюжеты, ни лейтмотивы. Единственное, что Рубинштейн признает в мсье Вагнере — исключительный талант дирижера.

— Этого я и боялась. Если даже самый прогрессивный русский композитор нашего времени не признает новшеств в музыке, что уж об остальных говорить? Но я придумала, как нам привлечь Антона на нашу сторону. Маэстро же к нам приезжает не свои лейтмотивы петь, а оркестром руководить. Я хочу, чтобы Антон пошел со мной на концерт и помог разобраться, чему именно наши дирижеры могут поучиться у Вагнера. А там и до музыкальной драмы дойдем. Только сперва дайте мне побеседовать о ней с самим композитором.

Баронесса Стааль начала переживать: разговор уже зашел о концертах и будущих встречах, а она так и не успела поведать своей госпоже об опасениях шефа тайной полиции. Заметив озабоченность на лице фрейлины, Елена Павловна кивком головы пригласила ее продолжить беседу.

— Ваше Высочество! Василий Андреевич Долгоруков просил передать, что он неустанно читает память Его Императорского Высочества Михаила Павловича и считает заботу о спокойствии Вашего Высочества своей первостепенной задачей. Князь сильно переживает, не причинит ли мсье Вагнер своим визитом какого-либо вреда Вашему Высочеству. А страхи его основаны на том, что когда-то давно композитор был замечен на баррикадах в Дрездене.

Великая княгиня улыбнулась и, подливая чай в чашки фрейлин, отреагировала:

— Спасибо тебе, моя милая, что честно рассказала мне об этом. Голубчик Василий Андреевич, верный слуга императора, чуть ли не в каждом, даже в нас с вами, подозревает революционера, шпиона или заговорщика — должность у него такая! Вагнер не смог бы ничего изменить в таком консервативном, я бы даже сказала — закаменелом жанре, как опера, не будь он бунтарем в душе. Но если мы станем реагировать на каждое опасение князя Долгорукова, то, боюсь, что по четвергам белую

залу Михайловского дворца придется запирать на засов — приглашать на наши «четверги» будет просто некого! Как же мне поступить, чтобы не расстроить моего дорогого генерала?

После короткой паузы Елена Павловна поинтересовалась у своих собеседниц, когда Вагнер дает первый концерт.

— Через десять дней: в понедельник, 19 февраля, в зале Дворянского собрания, — ответила фрейлина Стааль. — Афиши обещают фрагменты из «Летучего голландца», «Тангейзера» и «Лоэнгрин».

— Замечательно! Тогда решено: вечером 19 февраля мы втроем займем мою ложу в зале Дворянского собрания и пригласим Василия Андреевича к нам присоединиться. Это ведь будет день второй годовщины Манифеста о даровании прав крепостным — вот и отпразднуем! А заодно побеседуем с Долгоруковым, ярким противником крестьянской реформы, что опаснее для нашего государства — освобождение крестьян или музыкальная драма Вагнера. Елена, прошу тебя, отправь князю от меня приглашение прямо сегодня.

— Непременно, Ваше Высочество, — фрейлина Стааль почтительно поклонилась, обрадовавшись возможности встретиться с пожилым генералом в непринужденной обстановке. — Вот только...

— Что, моя милая?

— Александр Николаевич Серов боится, что концерт может не состояться, так как наше Филармоническое общество предлагает мсье Вагнеру маленький гонорар. А князь Василий Андреевич, наоборот, считает, что и предложенная сумма слишком велика.

Елена Егоровна рассказала Великой княгине анекдот про итальянскую певицу, затребовавшую у Екатерины две тысячи рублей за выступление, а также его продолжение в исполнении князя Долгорукова — мол, с Вагнером еще стоит поторговаться. На что Елена Павловна ответила, чуть ли не смеясь:

— Так у нас же в Филармоническом обществе одни немцы! Пусть эти немцы поторгуются с другим немцем, с Вагнером, — зрелище будет достойно лучших комедий! Коли не договорятся, придется им терпеть в качестве арбитра третьего немца, то есть — меня. Получится самая настоящая музыкальная драма! А Василию Андреевичу передайте мое желание так же усердно контролировать государственные расходы на тайную полицию, как он печется о моих личных финансах!

Фрейлины заулыбались, представляя себе реакцию Долгорукова на такое замечание от члена императорской семьи, а Великая княгиня продолжила:

— Итак, если торги немцев завершатся успешно, в чем я не сомневаюсь, 19 февраля мы идем на концерт. А уже в четверг, 22 февраля, пред-

лагаю лично познакомиться с Вагнером. Устроим себе развлечение прямо здесь, во дворце: вообразим себя агентами тайной полиции и попытаемся у мсье композитора, имеет ли его революционное прошлое хоть какое-то отношение к реформе оперы. Лучшему сыщику обещаю награду: я сама украшу ее покои букетом ирисов из дворцовой оранжереи. Ну, как вам моя идея? Эдита, ты ведь позовешь Вагнера на наш традиционный «четверг»?

— Непременно, Ваше Высочество, — с энтузиазмом ответила баронесса Раден, видя, что и Елена Стааль усердно кивает головой. — Он приезжает в Петербург послезавтра — сразу же отправлю приглашительное письмо. Я полностью согласна с Вашим Высочеством: мсье Вагнер может дать нам хорошие идеи для дальнейшего развития отечественной оперы. И план с «допросом» мне понравился — нет ничего лучше интеллектуальных развлечений!

— Вот и договорились, — подытожила Елена Павловна. — Только, пожалуйста, укажи в письме к Вагнеру дату и день недели, как по нашему стилю, так и по западному, иначе он с ума сойдет. В Европе будет уже март, а мы его зовем в феврале, и наш «четверг» придется в точности на его пятницу! И непременно прикажи Антону Рубинштейну, чтобы он был под рукой.

Эдита Федоровна и Елена Егоровна переглянулись: обе обрадовались прекрасному расположению духа своей госпожи. Если одна только весть о скором приезде Рихарда Вагнера заставила не снимающую траура, постоянно серьезную, строгую хозяйку Михайловского дворца шутить и улыбаться, что же будет, когда княгиня и композитор встретятся?

Отпустив своих гостей, мадам Мишель подошла к окну и долго вглядывалась в освещенное уличными фонарями здание Дворянского собрания, ставшее при ее участии домом для филармонических концертов. Мысли роились в голове, но Великая княгиня попыталась их упорядочить:

«Сколько бы это ни отняло сил и времени, я склоню наших композиторов к тому, что русская и европейские музыкальные школы должны познавать друг друга и учиться друг у друга. Они опять будут стонать: мол, я пытаюсь разрушить идентичность и самобытность русской музыки. Но что есть русская музыка? Неужели только народные песни и шедевры Глинки, которые мы должны законсервировать на века, или подражать им? Нет. Я абсолютно убеждена: русская музыка должна развиваться и достигать новых вершин. А это возможно лишь при регулярном контакте с иными музыкальными культурами. Как хорошо, что приезжает Вагнер. Надеюсь, он нам поможет в этом деле».

Глава VII. Концерт

— Ну что, Франц, удалось тебе подобрать для меня нарядный жилет на вечер? — строго спросил князь Василий Андреевич Долгоруков, с неодобрением рассматривая принесенный молодым камердинером черный фрак с узорчатыми пуговицами. — Угроздило же мсье Вагнера выбрать для концерта именно зал Дворянского собрания! Нет чтобы выступить в Большом театре — избавил бы нас от хлопот. Надел бы я по этикету привычный парадный мундир с орденами, и в путь! А теперь пожилому генералу от кавалерии придется осваивать азы моды. И это в мои-то лета...

— Ваше Сиятельство, прошу вас, не волнуйтесь. Обещаю, что вы будете выглядеть, словно с обложки модных парижских журналов. В Петербурге господа до сих пор считают верхом изящества серый фрак и белый пикейный жилет, но в столице Франции такой наряд — вчерашний день. Ваше Сиятельство произведет на всех неизгладимое впечатление, если фрак наденет черный, а жилет к нему золотистый, и галстук белоснежный, под цвет рубахи и перчаток, на три тона светлее, чем брюки. И лаковые туфли не с острым носом, как носили еще при Императоре Николае, а с закругленным, доставленные только вчера из Лондона.

Князь с изумлением взглянул на шелковый золотистый жилет в руках Франца, затем опять на фрак:

— Только не черный фрак. Унеси его! Ее Императорское Высочество пригласила меня в храм искусства, а не на поминки. Да и эта позолота разве что щеголеватым юнцам подойдет.

— Позвольте не согласиться с Вашим Сиятельством. Парижская мужская мода этого года предписывает надевать на концерт фрак именно черного цвета как признак тонкого вкуса. Я уверен, что Ее Императорское Высочество непременно обратит на это внимание. И не угодно ли Вашему Сиятельству еще раз задуматься о золотистом цвете? Он и вправду больше подходит молодым офицерам, но ведь возраст определяется состоянием души, а не записью в метрических книгах! Душа у Вашего Сиятельства юна и бодра, и ей не повредит легкое смущение от восхищенных взглядов барышень-модниц, обычно приходящих на концерты в Дворянское собрание. Сделайте одолжение, примерьте весь наряд полностью и посмотритесь в зеркало.

«Он ведь прав, — подумал Долгоруков. — Всего лишь музыку слушать — и серый фрак сгодился бы. Но поразить Великую княгиню только-только входящим в моду черным фраком — прекрасная идея, Елена Павловна от меня такого явно не ожидает. А золотистый цвет жилета

обязательно привлечет взор несравненной красавицы Елены Егоровны Стааль, которая пообещала сегодня сопровождать княгиню. Это что ж получается: за один вечер убьем сразу трех зайцев? Во-первых, отдадим дань уважения Ее Императорскому Высочеству. Во-вторых, убедимся, что в музыке нашего гастролера Вагнера нет скрытой крамолы. И, наконец, неужели под старость лет я снова слышу в душе чарующие звуки весны? Пусть только Франц причешет мне волосы так, чтобы залысину спрятать».

На сборы ушло почти три часа, что было нехарактерно для начальника тайной полиции, обычно собиравшегося к выходу по-военному быстро. Князь даже немного утомился с непривычки, но предвкушение встречи с баронессой Стааль побороло усталость. И вот он, статный, одетый по последней парижской моде, с нафабранными и напомаженными усами, благоухающий ароматом кельнского одеколона, бодро, словно юный корнет, выскочил из своего экипажа и вошел в зал Дворянского собрания. Успевая отвечать на приветственные поклоны, Долгоруков направился вдоль белоснежных мраморных колонн прямо к императорской ложе, украшенной пальмами и покрытой бордовым бархатным балдахином с золотой вышивкой (какой же Франц молодец, угадал с цветом жилета!). Елена Павловна со своей свитой была уже там.

Мадам Мишель выглядела торжественно. Ее грациозную фигуру подчеркивало расшитое нежными цветами пышное шелковое темно-лиловое платье с глубоким декольте и открытыми плечами. Неизменно черная вуаль на русых волосах и черная прозрачная накидка на открытых плечах, украшенные пурпурными магнолиями, добавляли наряду парадной строгости. А светлые камни в ожерелье и в серьгах, как и легкий веер с узорами белых лилий, утончали величественный образ, придавали ему мягкости и нежности. Завидев Василия Андреевича, Великая княгиня улыбнулась и кивком головы пригласила его подойти, снимая тем временем с руки длинную перчатку — готовясь к целованию.

— Ваше Императорское Высочество! Только прикажите, и верный слуга сиюминутно окажется в любом назначенном вами месте, — пармейски отчеканил Долгоруков, поцеловав протянутую ему руку и низко склонив голову.

Затем он отвесил поклоны находившимся в ложе рядом с княгиней фрейлинам Эдите Раден и Елене Стааль, а также композитору Антону Рубинштейну, руководителю Русского музыкального общества и недавно открывшейся Консерватории.

— Нисколько не сомневаюсь в вашей верности, мой старый добрый друг, любезный князь Василий Андреевич. Я безгранично рада вам. Но что случилось? Я впервые вижу моего генерала не в мундире! Помню,

сорок лет назад, когда я только прибыла в Российскую империю в качестве невесты Мишеля, государыня императрица Мария Федоровна рассказывала о том, как молодые дворяне одеваются для похода в театр по последнему писку моды в надежде найти себе там подходящую партию. Я никогда этому не верила, а вот сегодня наконец-то убедилась, что так оно и есть, — игриво промолвила пребывавшая в великолепном настроении мадам Мишель.

Все заметили, как щеки шестидесятилетнего генерала зардели от смущения, а княгиня, одарив Долгорукова широкой улыбкой, обратилась к своим фрейлинам:

— Ну что, милые мои, будем сегодня искать Василию Андреевичу невесту? Даже и не знаю, поискать прямо в этой ложе или пройти по залу Дворянского собрания?

Несложно было заметить, как на этот раз румянец появился на щеках баронессы Елены Егоровны Стааль. Она прикрыла лицо изящным веером из перламутра с нежно-розовыми пластинами, усыпанными голубыми топазами. Елена Павловна поспешила исправить неловкость ситуации:

— Или же я все неверно понимаю, и наш дорогой князь своим видом французского модника всего лишь маскирует реальную цель своего визита на концерт мсье Вагнера? Он наверняка охотится здесь за каким-нибудь шпионом. Не за немецким ли?

— Не стану отрицать — ничто не скроется от прозорливого взгляда Вашего Высочества, — почтительно поклонившись, произнес Долгоруков, подыгрывая Великой княгине. — Даже радость от сегодняшнего большого праздника, годовщины освобождения крестьян, и наслаждение прекрасной музыкой в компании Вашего Высочества и ее очаровательных фрейлин не дают мне, начальнику Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, права хоть на миг отставить в сторону свой служебный долг. Ведь и среди окружающих нас людей, самых благообразных, немцев иль русских, могут оказаться заговорщики и революционеры.

— И это вы говорите мне, немке по происхождению, что была верным другом покойного бунтаря Пушкина? — усмехнулась Елена Павловна.

— Покорнейше прошу простить меня, Ваше Высочество. Я всего лишь хотел сказать, что со мной вам не о чем беспокоиться. В любое время и в любом месте вы находитесь под моей надежной защитой.

— Вы тоже не сердитесь на меня, князь. Я высоко ценю ваше преданное служение и искреннюю заботу, и даже сама хочу поспособствовать в ваших расследованиях. Но об этом поговорим после. Концерт начнется ровно в восемь, осталось совсем чуть-чуть. За это время мы не успеем ни

шпиона поймать, ни подходящую невесту отыскать. Подготовимся лучше к восприятию музыки. Антон Григорьевич, — мадам Мишель обернулась к Рубинштейну, — скажите, какую самую главную вещь нам всем непременно следует узнать перед тем, как мсье Вагнер встанет за пульт?

Молодой, энергичный, статный композитор, по возрасту годившийся Долгорукову в сыновья, кивнул головой, взмахнул огромной копной волос и заговорил с энтузиазмом в голосе:

— Ваше Императорское Высочество, Ваше Сиятельство, милостивые государыни! Буду беспристрастным и позволю себе процитировать слова моего самого яростного критика и музыкального антагониста Александра Николаевича Серова, которые он опубликовал в сегодняшних газетах. Серов считает, и я на этот раз полностью согласен с его мнением, что Рихард Вагнер есть самый гениальный дирижер современности. Наравне с Францем Листом и Гектором Берлиозом, коих мы с вами когда-то имели честь видеть в этом самом зале. Я прошу вас стать свидетелями тому, с какой тонкостью мсье Вагнер передает характер и смысл исполняемой музыки. В первом отделении маэстро представит Героическую симфонию Бетховена, которую композитор изначально посвятил Наполеону.

Слова Рубинштейна заинтриговали собеседников. Всем хотелось продолжения рассказа, да только в этот самый момент музыканты оркестра и певцы хора Петербургского филармонического общества начали выходить на сцену. Елена Павловна и ее спутники умолкли и обернулись в их сторону. Долгоруков принялся считать количество занимающих свои места оркестрантов, но сбился на второй сотне. Затем он осмотрелся по сторонам: зал был переполнен, стулья приставлены близко друг другу — и ни одного свободного места, а за колоннами люди даже стояли. Сегодня собралось не менее трех тысяч человек.

Под аплодисменты на сцену вышел Рихард Вагнер — в темном фраке, невысокого роста, худощавый, с зачесанными назад волосами. Маэстро кланялся приветствовавшей его публике, а Долгоруков пребывал в растерянности. Пусть он и не являлся завсегдаем симфонических концертов, но одно знал наверняка: перед дирижером обязательно должен находиться пюпитр с нотами. А перед Вагнером его не было! И как же немецкий гастролер собрался управлять музыкой?

Случившееся далее поразило князя еще больше: после поклонов маэстро отвернулся от зрителей и, вынув из внутреннего кармана фрака дирижерскую палочку, обратился лицом к своему оркестру. Неужели Вагнер будет дирижировать, стоя... — Долгоруков пытался подобрать подходящее слово — спиной к Ее Императорскому Высочеству? Какая неслыханная дерзость — в Российской империи так не принято!

Затем сюрпризы продолжились: взмах дирижерской палочкой, и... вместо ожидаемой третьей симфонии Бетховена раздался русский гимн «Боже, царя храни!»

Шеф Третьего отделения, вместе со всей публикой, мгновенно поднялся со своего кресла, вытянувшись по струнке. Из расположенной по центру зала императорской ложи ему было хорошо видно, как с первыми звуками гимна несколько бородатых молодых людей вскочили со своих мест и с возмущенными лицами поспешили к выходу.

«Вот она, моя клиентура, пошла... Бегите, бегите, в последнем ряду вас заключат в крепкие объятия мои агенты и объяснят, что выход из зала во время концерта есть признак дурного тона, и разрешен только для препровождения на допрос в Третье отделение!» — с ухмылкой прошептал Василий Андреевич.

А затем подумал: «А гастролер-то наш каким молодцом оказался! Молитвой русского народа дирижирует по памяти! Ничего не скажешь: тронул мсье Вагнер верного слугу императора до самой глубины души. Или же это он специально так поступил, для конспирации? Над этим стоит поразмышлять».

Однако бетховенская музыка не оставила этим размышлениям ни малейшего шанса. С первых же звуков она подействовала на Долгорукова очень необычно: напомнила о годах прекрасной юности. Но почему? Стало ли причиной известие о посвящении этой симфонии Бонапарту, которым Василий Андреевич тогда восхищался? Или же повлияли недавние присказки Франца про «молодого душой» князя? А, может, всему виной шутка Елены Павловны про поиск невесты?

Величественное начало симфонии всколыхнуло в памяти Долгорукова чувство восторга от его первой встречи с императором Николаем, предопределившей цель жизни тогда еще юного корнета — беззаветное служение царю и отечеству. Стоило мелодии перемениться на лиричную, Василий Андреевич ощутил прилив романтики, робости и волнения, словно в день помолвки с драгоценной Ольгой Карловной. Затем музыка стала тревожной, трагической и навеяла воспоминания о первой военной кампании князя — жестокой битве под Варшавой. Последовавший за ней похоронный марш явил перед взором образы его боевых друзей, героически погибших молодых офицеров. Разные музыкальные темы продолжали переплетаться между собой подобно жизни во всем ее многообразии и, к удовлетворению князя, увенчались торжественными, радостными аккордами — финал утверждал победу добра над злом, а жизни над смертью.

Рассказывая в антракте Великой княгине и ее окружению об этих своих впечатлениях, Василий Андреевич признался, что никак не ожи-

дал такого эффекта от музыки: меньше чем за час времени он испытал целую гамму чувств и будто жизнь заново прожил. А последняя часть симфонии вышла созвучной его собственному жизнелюбию, и была исполнена настолько душевно, что князь с удовольствием присоединился к бурным овациям, устроенным публикой мсье Вагнеру и его оркестру.

— Ваше Сиятельство, — в голосе Антона Рубинштейна звучало явное одобрение, — если бы я не знал про род вашей деятельности, то предположил бы, что вы — опытный музыковед. С первого раза понять мысли, вложенные Бетховеном в свою самую любимую симфонию, к которой он даже не оставил описания, — для этого нужно иметь природный дар. Снимаю перед вами шляпу.

— Наденьте шляпу обратно, Антон Григорьевич, — мадам Мишель, до сих пор пребывавшая в задумчивости от музыки и от слов Долгорукова, оживилась и перевела взгляд на Рубинштейна. — Чтобы поразить нас своим кругозором, князь всего-навсего вызвал дух почившего композитора в контору тайной полиции на Фонтанке и одному ему известными методами выпытал у него подлинную суть этой симфонии.

Все рассмеялись, а Елена Павловна продолжила:

— Простите меня, дорогой Василий Андреевич. Так давно вас не видела, что не удержалась от шутки. Я не единожды слушала Героическую симфонию и всегда испытывала те же самые чувства, что и вы сегодня. Вагнеровское исполнение, по моему мнению, было превосходным. Вы согласны со мной, мои милые? — Великая княгиня обратилась к фрейлинам.

— Полностью согласна, Ваше Императорское Высочество, — вступила в разговор Эдита Федоровна Раден. — Оркестр звучал великолепно. Меня поразила манера управления музыкантами мсье Вагнера: в отличие от наших капельмейстеров, он дирижирует обеими руками, и не просто отбивает такт, но словно создает настрой оркестрантам, заряжает их эмоциями и заставляет музыку следовать за театральными движениями своих рук, головы, да и всего тела. А то, что смотрит он при этом не на публику, как принято у нас, а на своих музыкантов, словно желает вступить с ними в более тесный контакт, — воспринимается очень необычно, но музыка Бетховена от этого только выигрывает.

— И я согласна, Ваше Императорское Высочество, — Елена Егоровна Стааль выглядела не менее восторженной, чем баронесса Раден. — Трудно было не любоваться мсье Вагнером: он ни разу не взглянул в ноты, их перед ним просто не было — от начала и до конца маэстро дирижировал бетховенской музыкой наизусть, как будто это его собственное сочинение!

Улыбнувшись и дотронувшись открытым веером поочередно до губ и до сердца, баронесса Стааль впервые за этот вечер посмотрела Василию Андреевичу прямо в глаза:

— Уму непостижимо! Вы не находите, Ваше Сиятельство?

Пожилой генерал застеснялся и промолвил:

— Как и вас, милостивая государыня, меня более всего поразило, что маэстро дирижировал по памяти. У него это получилось блестяще.

Почему именно эта фраза вырвалась из уст Долгорукова? Ведь он практически не следил за Вагнером на сцене, почти час предавался воспоминаниям, время от времени поглядывая то на открытые плечи, то на цветы и розовые атласные ленты в волосах сидящей впереди него прекрасной фрейлины. Однако ему захотелось выразить баронессе безоговорочную поддержку.

«Нет, не может быть! Дело не только в искрящемся взгляде этих бездонных голубых глаз!» — осенило князя.

В далекой молодости Ольга Карловна учила его наблюдать, как женщины используют «язык веера» для передачи тайных посланий своим кавалерам. Только что сделанный Еленой Егоровной жест на этом языке означал: «Ты мой идеал!» А сам веер! Розовый с голубыми камнями — точно такой же держала в руках его невеста, когда он приехал к ее родителям свататься. Эти цвета означали любовь и верность. Неужели под звуки Героической симфонии баронесса Стааль осознала, кто ее настоящий герой? Князь чувствовал себя окрыленным, но хотел сохранить в тайне и свою внезапную догадку, и неподобающее увлечение «языком веера». Поэтому он вернулся к светской беседе, обратившись к Рубинштейну:

— Милостивый государь Антон Григорьевич, сделайте одолжение, помогите мне, человеку военному, понять, в чем именно заключается заслуга мсье Вагнера? Музыканты ведь играют по нотам, написанным композитором, и, если каждый оркестрант выполняет свою работу добросовестно, почему же они не могут обойтись без капельмейстера?

— Управление оркестром, Ваше Сиятельство, мало отличается от командования в армии: здесь тоже требуются дисциплина и единообразие. На сцене сто двадцать музыкантов, и надобно, чтобы все они одинаково поняли указания композитора, исполнили именно то, что он сочинил, звучали в унисон. Дирижер, словно боевой командир, руководит этим процессом, правда, утонченнее и изящнее, нежели армейские офицеры.

— Антон, — Великая княгиня погрозила композитору пальцем, — мне кажется, что вы вводите князя в заблуждение. Помните, когда мы создавали Русское музыкальное общество, я отдала вам залы во дворце для оркестровых репетиций?

— Ваше Высочество, невозможно забыть вашу щедрость и деятельное участие.

— Так вот. Однажды я тайком пришла на репетицию оркестра и стала свидетелем тому, как капельмейстер ругает своих музыкантов самыми грязными и грубыми словами. Да я от солдат не слышала ничего подобного за двадцать пять лет визитов в гвардейский корпус Великого князя! А вы говорите: дирижеры — натуры более тонкие и изящные...

— Наверняка, Ваше Высочество, в тот день маэстро сильно разнервничался, хотя мы, дирижеры, действительно бываем чересчур строгими, но только ради торжества искусства, — хитро улыбнулся Рубинштейн и, обернувшись к Долгорукову, продолжил сравнение профессий капельмейстера и полководца. — Как командир в армии поднимает боевой дух солдат, так и дирижер в оркестре создает атмосферу, помогающую раскрыть суть музыки, передать публике эмоции и чувства. Вот сегодня — мы все оценили мсье Рихарда Вагнера, ибо услышать такое чувственное прочтение Героической симфонии есть великое счастье и эстетическое наслаждение.

— Очень признателен за столь доходчивое объяснение, милостивый государь. Получается, если сегодня кто-нибудь в этом зале смог составить для себя портрет подлинного, настоящего героя, — Долгоруков сияющим взглядом обвел всех собравшихся в ложе, — то должен благодарить мсье гастролера?

По распоряжению Великой княгини в ложу принесли шампанское и фрукты. Мадам Мишель предложила поднять бокал за талантливого дирижера. Антон Григорьевич выразил уверенность, что уже через час они с удовольствием поднимут еще один бокал за Вагнера, на этот раз — одаренного композитора, и ознакомил всех с программой второго отделения концерта, состоявшей из фрагментов опер «Летучий голландец», «Тангейзер» и «Лоэнгрин». Внимательно выслушав краткий пересказ сюжетов этих опер, князь Долгоруков спросил:

— Скажите, милостивый государь, часто ли композиторы вкладывают в либретто своих опер тайный подтекст? Мне любопытно, мсье Вагнер действительно хочет, чтобы мы сопереживали обреченному на скитания моряку, падшему во грехе рыцарю или не умеющей совладать с собой герцогине? Либо же за этими мифическими образами скрыто иное значение?

Вместо Рубинштейна ответила Елена Павловна:

— А почему бы нам, милый Василий Андреевич, всем вместе не узнать об этом у самого композитора? В четверг Эдита Федоровна пригласила его на свой традиционный вечер во дворце. Приходите ко мне часам к девяти: обсудим в моей гостиной, как лучше допросить мсье

Вагнера, и затем примемся за дело, если хозяйка вечера нас обоих позовет, конечно же.

Идея пришла по душе всей компании. Княгиня улыбнулась. Долго руков поклонился в знак согласия. Баронесса Раден мгновенно подтвердила свое приглашение каждому и уже собралась поделиться задумками на вечер четверга, но ей помешал раздавшийся шквал аплодисментов — зал снова приветствовал маэстро.

Вагнер дирижировал отрывками из своих ранних опер, и для каждого в них обнаружилось нечто особенное, близкое сердцу. Так, Елена Егоровна Стааль с придыханием слушала увертюру и балладу Сенты из «Летучего голландца». Ее — красавицу, выросшую на побережье Ревеля, — очаровали и романтика бушующего моря, и окутанный мистикой поиск вечной любви капитаном корабля. «Оказывается, любви все возрасты покорны. Сколько лет Голландец искал верную жену — тысячу, больше? И Сента его все равно полюбила — как уверенно она поет об этом, никто не усомнится! Хотя с богатствами Голландца это и не мудро, — размышляла баронесса. — А мне любопытно, отчего князь Долго руков не женится вновь? Неужели он такой же требовательный, как вагнеровский моряк-скиталец?»

«Меня, конечно, больше впечатляют хоры и марши, — думал Василий Андреевич. — Ну разве не хорош этот бодрый, мужественный хор матросов из "Летучего голландца", или торжественное шествие рыцарей из "Тангейзера"? А вот лирики я побаиваюсь. Музыка вроде притягательная, но вспомнишь сюжет — перекрестишься: что ни женщина — обязательно умрет! Хотя, если бы мне встретилась такая же обольстительная, как Венера, преданная, как Сента, да еще и целомудренная, как Елизавета, я бы собственным примером подал мсье Вагнеру идею для жизнеутверждающей оперы!»

Пожилой князь украдкой взглянул на баронессу Елену Егоровну и тихонько вздохнул.

Лишь только раздался хор пилигримов из увертюры к «Тангейзеру» — этот символ непоколебимой веры — Эдита Федоровна Раден застыла в благоговейном трепете. Музыка казалась такой чистой, глубокой, родной, что она влюбилась в нее с первой же ноты. А как зазвучал полный чувственной красоты мотив Венеры, так баронесса полюбила и его. «Удивительно, насколько естественно и правдиво получилось у мсье Вагнера передать музыкой одинаковую притягательность этих двух совершенно противоположных, борющихся между собой сущностей каждого человека, — рассуждала она. — Не автобиографическое ли это произведение? Постараюсь деликатно расспросить об этом композитора в четверг».

«Похоже, что мсье Вагнер не только обладает огромным талантом, но и прекрасно чувствует публику, — задумался Антон Рубинштейн, наслаждаясь мелодией из «Тангейзера». — Не стал он сразу же шокировать зрителей своими новшествами, а решил их подготовить — начать с более ранних произведений, полных романтизма. Может, полюбив их, слушатели благосклонно отнесутся и к последним, драматическим сочинениям маэстро? В любом случае, надо позаимствовать у композитора такую тактику... Ах, какое чудо этот романс Вольфрама "К вечерней звезде", просто шедевр любовной лирики! Расскажу Вагнеру при встрече, как Франц Лист подарил мне собственное переложение романса для рояля, и я исполнил его для очаровательной грузинской княжны Веры. С каким восторгом она на меня тогда смотрела — всем сердцем хотелось бы повторить эти мгновения!»

Великая княгиня полуобернулась на своих спутников и, увидев, как зачарованно они внимают музыке, глубоко выдохнула и произнесла про себя: «Свою задачу на сегодня я выполнила: шутками и прибаутками расположила к таланту мсье Вагнера и Антона, который несомненно передаст этот настрой всему Русскому музыкальному обществу, и Эдиту — к ее мнению прислушиваются все наши композиторы. Даже излишнюю бдительность тайной полиции усыпила, переключив дорожного князя на более важные дела — амурные. Теперь можно и душой отдохнуть».

Тем временем зал Дворянского собрания наполнился звуками любимого ею вступления к «Лоэнгрину». Елена Павловна растрогалась и прикрыла лицо веером, чтобы никто из зала случайно не заметил стекающих по ее щеке слез. Мадам Мишель мысленно поблагодарила композитора за чувства, вызванные плавной, струящейся, постепенно усиливающейся мелодией: уже не в первый раз за вечер она вспомнила Мишеля — своего недоверчивого странствующего Голландца, мечущегося в поисках истинного себя Тангейзера, но навсегда оставшегося в сердце таинственным и лучезарным Лоэнгрином.

«Любопытно, как воспримет эту музыку русская публика? — подумала княгиня и, стоило утихнуть последним аккордам, с гордостью отметила. — Не может быть! Люди рукоплещут стоя, они кричат "бис"! Что скажете, мсье Вагнер? Он кланяется, жестаи просит публику успокоиться, разворачивается к оркестру... Взмах дирижерской палочкой, и увертюра звучит вновь. Bravo!»

Концерт завершился, и, казалось, овации публики не схлынут никогда. К полному радостных эмоций гулу зала Дворянского собрания присоединились оркестр и хор, аплодировавшие своему дирижеру со сцены. Невысокий человек с копной седых волос забрался на стул в

первом ряду и, словно капельмейстер, взмахом рук призывал публику повторять крики «Браво!» То был Александр Николаевич Серов. Рихард Вагнер выходил на поклонь уже несколько раз, но пребывающая в экстазе публика не собиралась его отпускать.

«Какой прекрасный вечер, какая чудесная музыка! Я вижу, что она впечатлила каждого из нас. Сегодня я спешу в Зимний дворец, но приглашаю всех ко мне в четверг, до начала вечера у Эдиты Федоровны, чтобы обменяться впечатлениями», — обратилась мадам Мишель к своим спутникам.

Настала пора откланиваться. Рубинштейн пообещал Великой княгине и Эдите Раден, что прямо сейчас передаст Рихарду Вагнеру слова их благодарности за концерт. Князь Долгоруков обратился к Елене Егоровне — выразил надежду увидеть ее во дворце в четверг, на что баронесса, кокетливо улыбнувшись и прижав веер к сердцу, утвердительно кивнула головой. Мужчины выполнили ритуал целования рук, и дамы, облачившись в принесенные камеристками меховые накидки, направились к выходу. Долгоруков вызвался их проводить.

Уже в пустынном фойе Елена Павловна попросила фрейлин подождать в стороне и обратилась к князю:

— Василий Андреевич, милый, задержитесь на минутку. Я хочу наедине поблагодарить вас, моего оппонента по крестьянской реформе, за то, что сегодня вы назвали освобождение крестьян праздником. Я счастлива, что мудрость и державные интересы взяли верх над личным мнением.

— Премного благодарен, Ваше Высочество. Позвольте и мне сказать вам наедине: когда я слушал Героическую симфонию, вспомнил Его Высочество Михаила Павловича и наши с ним военные походы. Мне очень не хватает Великого князя.

— Спасибо, мой преданный друг. Я тоже думала о Мишеле весь вечер. А романс «Вечерняя звезда» напомнил мне о вашей Ольге Карловне, ее светлый образ никогда не исчезнет из моей души. Как же рано они нас покинули... Если вы, милый князь, вновь решитесь связать себя узами брака, не ждите, как Голландец, еще семь лет — обратите внимание на Елену Егоровну и поговорите со мной. Прощайте, Василий Андреевич!

Мадам Мишель направилась к ожидающим ее фрейлинам, но, сделав несколько шагов, внезапно обернулась и весело добавила:

— И подумайте до четверга, любезный князь, что угрожает государству больше: освобождение крестьян или царский гимн в блестящем исполнении бывшего германского мятежника?

Глядя вслед уходящей княгине, Долгоруков прошептал: «Потрясающая женщина с государственным умом, и такой тонкий, чуткий человек — ярчайший бриллиант в короне нашей империи!»

— Дядюшка Вася! Какая неожиданность! — юноша в меховом пальто окликнул Долгорукова, ожидавшего свой экипаж у парадного входа в Дворянское собрание.

— А, мсье Серж! — обрадовавшийся князь крепко пожал руку своему крестнику.

— Неужели крестный отец пришел на концерт, чтобы лично проконтролировать, как я выполняю его задание? — промолвил Сергей шепотом.

— Прошу тебя, прости старика — я совсем запамятовал сообщить, что тоже буду на концерте Вагнера. Меня пригласила Великая княгиня Елена Павловна, так что никакого контроля с моей стороны нет, но... Что может быть лучше одного сыщика? Два сыщика, которые непременно должны обмениваться мнениями!

За их беседой наблюдали стоявшие рядом два молодых человека лет двадцати — элегантно одетые, гладко выбритые, с румянцем на щеках и веселым блеском в глазах. Сергей подозвал их жестом и сообщил крестному, что это его товарищи по консерватории.

— Князь Долгоруков, — представился Василий Андреевич, снял перчатку и протянул юношам руку в знак приветствия.

— Петр Чайковский, Герман Ларош, — поочередно назвали себя студенты, пожимая руку князя и склоняя головы в поклоне.

— Так вот вы какие, Пьер и Герман — любители вина, музыки, лекций господина Серова и, как оказалось, вагнеровской драмы! — усмехнулся Долгоруков.

— Откуда Вашему Сиятельству известно, как величают меня в кругу друзей, и что мы любим вино? — удивился Петр.

— Нашему ведомству известно все! — весело ответил Василий Андреевич. — Скажите мне лучше, милостивые государи, понравился ли вам сегодняшний концерт?

Молодежь бодро ответила, что Вагнер как дирижер впечатлил всех троих, а мнения о нем как о композиторе разошлись. Чтобы окончательно определиться со своим мнением, хочется услышать и другую музыку Вагнера, поэтому в следующий понедельник они пойдут на очередной концерт.

— Прекрасная идея! — отреагировал князь. — Я бы тоже хотел пойти, да государственные дела не позволят. Что вы скажете, мои юные друзья, если я приглашу вас на будущей неделе, сразу после концерта, к себе, на Большую Морскую? Обменяемся за ужином впечатлениями, а я перед этим проинспектирую винный погреб и основательно подготовлюсь к вашему визиту.

Петр и Герман смутились, но Сергей ответил согласием за всех. Вскоре подоспел экипаж Долгорукова, князь откланялся, а молодые люди

медленным шагом двинулись по заснеженной Михайловской улице, громко обсуждая, какой же вердикт вынесут Вагнеру русские музыкальные критики.

С юношами поравнялся композитор Александр Николаевич Серов. До него донеслись отголоски их разговора: «Зал набит битком, овации не смолкают, даже у шефа тайной полиции радостное настроение! Русским людям вагнеровская музыка определенно пришлась по душе, и плевать я хотел, что скажут какие-то там критики!»

«Дай Бог, чтобы именно так!» — усмехнулся Серов, ускорил шаг и помчался дальше, в апартаменты Рихарда Вагнера — подготовить вино и закуски к возвращению маэстро после концерта. Сегодняшнее событие непременно следовало отпраздновать.

Продолжение следует...